

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАН

© 2018

О. П. БИБИКОВА, Н. Н. ЦВЕТКОВА

DOI: 10.7868/S086919081801020X

13–15 марта 2017 г. в Институте востоковедения РАН прошла ежегодная конференция “**Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран**”, организованная Центром исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН. Всего выступили более 40 человек, в том числе сотрудники ЦИОПСВ, ОЭИ, Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Центра ЮВА ИВ РАН, Института Африки РАН, преподаватели, аспиранты и магистранты ИСАА и исторического факультета МГУ, МГИМО МИД РФ, РАНХиГС, НИУ ВШЭ, РГГУ, РЭУ им. Г. В. Плеханова. В обсуждении приняли участие около 50 человек. Работа конференции велась по двум “круглым столам”.

На “круглом столе” “**Экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран**” в центре внимания находились новые тенденции в развитии глобализации, такие как повышение роли стран Востока, развитие региональной интеграции, с одной стороны, и усиление протекционизма, повышение роли геополитических факторов — с другой. Большое внимание было уделено проблемам динамики экономического роста в развивающихся странах, вопросу о развитии роботизации и автоматизации и их воздействия на международное разделение труда, на демографические процессы. Рассматривались политические и социокультурные аспекты глобализации.

В. А. Мельянец (ИСАА) выступил с докладом “Торможение мирового экономического роста и развивающиеся страны”. Несмотря на то что в мире значительно ускорились технологические и социально-экономические трансформации, повысилась норма вложений в физический и человеческий капитал, увеличились глобальные потоки товаров, услуг и финансов, колоссально умножилась компьютерная мощь, в последние три-четыре десятилетия обнаружилось в целом существенное замедление мировой экономической динамики. Для преодоления парадоксального (в условиях научно-технического прогресса) феномена торможения роста мирового ВВП, когда эффект кредитной накачки путем использования инструментов монетарной политики уже во многом исчерпан в развитых государствах и ряде развивающихся стран, целесообразно, как это предлагается ООН, Всемирным Банком и МВФ, активизировать механизмы так называемого инклюзивного развития. Речь идет о более энергичном применении инструментов фискально-бюджетной политики, связанной не только с лучшим администрированием на локальном, региональном и глобальном уровне, но и со сбором (уходящих от обложения) налогов, переходом к прогрессивному налогообложению доходов и активов, концентрация которых у немногих (групп) людей в ряде стран стала “зашкаливать”. Это тормозит расширение эффективного спроса, а также наращивание физического и, что важнее, человеческого капитала. Сделать предложенное непросто, так как это серьезно затрагивает интересы ныне действующих олигархических элит и в развитых, и в развивающихся странах, не сильно склонных к значимым во имя общего прогресса проявлениям не только альтруизма, но и разумного эгоизма.

А. В. Акимов (ИВ РАН) в докладе “Влияние робототехники и трудосберегающих технологий на демографические процессы” рассмотрел перспективы влияния новых технологий на демографию. С одной стороны, в условиях, когда развитие трудосберегающих технологий значительно сузит рынок труда и получит распространение система выплат всем членам общества фиксированного дохода, (базового общедоступного дохода, БОД), рождение детей и выплаты на них могут стать привлекательными для семей. При рождении каждого ребенка выплаты увеличатся,

БИБИКОВА Ольга Павловна — кандидат исторических наук, старший неаучный сотрудник Института востоковедения РАН.

ЦВЕТКОВА Нина Николаевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; заведующий отделом экономики и социологии журнала “Восток (Orient)”. vladtsvetkov@mail.ru.

станет рационально иметь детей и их воспитывать, женщина может уйти с работы по найму, а семейное воспитание детей станет приносить доход. При сложившемся типе воспроизводства населения это приведет к росту его численности, но такой рост не будет вызван ни биологическим (выживание популяции), ни экономическим (рост рабочей силы) фактором.

С другой стороны, противоположной тенденцией может стать отказ от деторождения и даже вступления в брак при сокращении рынка труда, низких и нестабильных доходах. Такая ситуация складывается в настоящее время в Японии и Южной Корее, где трудосберегающие технологии наиболее развиты. Описанные выше ситуации значимы для развитых стран, завершивших демографический переход. Для развивающихся стран и ряда переходных экономик большую актуальность имеет продолжающийся рост численности населения.

Ю. Г. Александров (ИВ РАН) в докладе “Глобализация и новые виды капитала” отметил, что предложена еще одна ипостась понятия капитала — культурный капитал. Применительно к актуальным проблемам современного мира в виде кризиса мультикультурализма, а также политической и экономической несостоятельности многих постколониальных независимых государств его активизировал американский культуролог и специалист по вопросам международного развития Лоуренс Харрисон, который вместе с коллегами разработал типологию для определения уровня культурного капитала в разной среде.

А. В. Кива (ИВ РАН) озаглавил доклад в виде вопроса: “Выигрывают или проигрывают развивающиеся страны в ходе глобализации?”. Положительными сторонами глобализации являются бурный технологический рост; увеличение количества и повышение качества потребляемой продукции; появление новых рабочих мест; свободный доступ к информации; повышение уровня жизни; улучшение взаимопонимания между различными культурами. Ее отрицательные стороны — нестабильность развития экономики многих стран; увеличение разрыва в социально-экономическом развитии между странами; расслоение общества; рост влияния ТНК; возросшие масштабы миграции; обострение глобальных проблем; внедрение массовой культуры; потеря самобытности стран. Но позитивные стороны глобализации перевешивают ее негативные последствия. Глобализация дает разные результаты для разных стран. Это — добро для стран с сильными элитами, которым есть что предъявить глобальному рынку, и если и не зло, то и не благо для стран с очень слабыми природными ресурсами, неразвитым человеческим потенциалом или с коррумпированными властями.

Тема выступления *З. Н. Галич* (ИВ РАН) — “Город в мироустройстве/мироведении и координатах глобальной мир-системы”. В последние десятилетия XX в. возникли новые подходы и методы (глобально-исторический, цивилизационный), лишенные жесткой демаркации эпох и ограниченности критериев определения типов обществ и городов. На рубеже XX–XXI вв. особую роль стала играть бурно развивающаяся наука. Столь же успешно развиваются структуры и институты социокультурного назначения: туристическая индустрия, организация досуга/отдыха и развлечений, здравоохранения, культурных мероприятия — музыкальных и театральных фестивалей, конкурсов, музейных выставок — “символическая экономика”, оказывающая на рынок труда, на социальные процессы немалое воздействие.

С развитием “символической экономики” был связан и доклад *Г. Д. Паксютова* (ИСАА) — “Ведущие страны Азии на глобальном рынке кино: факторы успеха и перспективы”, в котором были рассмотрены тенденции в развитии киноиндустрии Японии, Китая, Индии и Ирана и то, как на нее влияют глобальные процессы. Потенциал японской киноиндустрии основан на признанном во всем мире качестве, а также многолетних организационных и технических наработках. В Китае в 2016 г. кинотеатры продали около 1.3 млрд билетов, т.е. примерно по одному билету на душу населения; за счет величины населения страны достигается очень большой суммарный результат. Аналитики предполагают, что через несколько лет кинопрокат в Китае, если он продолжит расти такими же темпами, станет крупнейшим в мире.

Рассматривались и политические аспекты глобализации. *Т. С. Денисова* (ИАФр. РАН) в докладе “Африканское политическое лидерство в эпоху глобализации” отметила, что изучение эволюции африканского политического лидерства в последние полтора-два десятилетия, приобрело особую актуальность в связи с увеличением политического веса стран Африки на международной арене. В этот период прочность положения лидера африканской страны в значительной степени зависит от его признания мировым сообществом или его частью. Под внешним

влиянием происходит и демократизация общественно-политической жизни стран континента в ее африканском варианте, который некоторые российские исследователи называют квазидемократией, а некоторые западные — “демокрезией” (от *democracy*). Несмотря на регулярное проведение выборов и приход к власти законно избранных глав государств, живучесть авторитарных режимов подвергает сомнению правомерность определения политики, проводимой даже наиболее прогрессивными лидерами, как “процессов демократизации”. В силу зависимости развивающихся экономик от внешних факторов (например, падения цен на экспортные товары) многие процессы действительно происходят вне контроля властей, и электорат редко понимает, из-за чего произошел экономический крах: из-за происков внешних сил или из-за некомпетентности правительства.

Блок докладов “круглого стола” был посвящен развитию региональной интеграции. *Н. Н. Цветкова* (ИВ РАН) в докладе “Новые тенденции в глобализации: регионализация, рещоринг, трудосберегающие технологии” отметила, что в первой половине 2010-х гг. резко интенсифицировались процессы региональной интеграции. Такой характерный показатель, как доля взаимного экспорта, составил в 2014 г. в странах Евросоюза около 62.5%, в странах АСЕАН — 25.3%, в странах НАФТА (Североамериканской зоны торговли — США, Канады, Мексики) — 50.2%, в странах ВАС (Восточноафриканского сообщества — Кении, Танзании, Уганды, Руанды, Бурунди) — 18.6%. Велись переговоры о создании мегагруппировок, прежде всего транстихоокеанского партнерства (ТТП). Удельный вес взаимного экспорта в общем экспорте 12 стран, заключивших в 2016 г. соглашение о создании ТТП, был высоким — 47.5%. Впрочем, в январе 2017 г. Д. Трамп подписал указ о выходе США из ТТП. С середины 2010-х гг. с повышением уровня экономической взаимозависимости стран усилились тенденции к протекционизму, повысилась роль геополитических факторов.

А. А. Пахомов (РАНХиГС) в докладе “Государства АСЕАН во внешнеэкономической стратегии России в контексте глобализации: возможности и ограничения” подчеркнул, что на современном этапе АСЕАН является одним из наиболее успешно развивающихся региональных объединений в мире. Официальный лозунг АСЕАН — триединая формула: “Одно видение, одна идентичность, одно сообщество”. На современном этапе в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительно активизировались, несмотря на “зависание” проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП), разноуровневые интеграционные процессы. В их числе — выход на завершающую стадию формирования Регионального всестороннего соглашения об экономическом сотрудничестве (RCEP). Данный проект предусматривает создание “углубленной” зоны свободной торговли в формате, т.е. государств Ассоциации с ее приоритетными партнерами — Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией; возрождение проекта Азиатско-Тихоокеанской зоны под эгидой АТЭС, выход АСЕАН на новый уровень интеграции.

Е. Я. Арапова (МГИМО) выступила с докладом “Зона свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам: потенциальные эффекты для России”. Несмотря на небольшую долю Вьетнама в общей структуре российского импорта, он относится к той категории стран, товарооборот с которыми в последние годы растет наиболее высокими темпами. Основу российского импорта из Вьетнама составляет электронное и электрооборудование, в 2015 г. на эту статью приходилось более 45% общего импорта. Вторую и третью позиции занимают обувь, ядерные реакторы и котлы. Создание зоны свободной торговли позволит существенно нарастить объемы российского экспорта во Вьетнам и сократить дефицит двустороннего торгового баланса. Общий интеграционный эффект от создания зоны свободной торговли с Вьетнамом окажется положительным. Ожидаемое интенсивное экономическое развитие Вьетнама в ближайшие годы за счет устойчивого роста населения, стремительного роста доходов и доли среднего класса в социальной структуре населения, а также ускоренная индустриализация могут создать благоприятные условия для российских экспортеров.

Н. Ю. Новохатский (ИСАА) выступил с докладом “Транстихоокеанское партнерство и Япония”. 20 января 2017 г. Япония стала первой страной, которая уведомила о ратификации соглашения о ТТП. Для экономики Японии это участие способно принести не только положительные выгоды, но и негативные последствия, в первую очередь для сельскохозяйственных производителей. В итоговом соглашении Японии удалось оставить за собой право сохранить заградительные пошлины на такие “чувствительные” продукты ее сельского хозяйства, как рис и пшеница.

Более того, заградительные пошлины в отношении других, уже менее “чувствительных” наименований будут хоть и снижены, но далеко не сразу. Другими словами, Япония смогла сохранить во многом протекционистскую политику в отношении сельского хозяйства в рамках ТТП, получив при этом доступ на сельскохозяйственные рынки других стран — участниц соглашения. Однако пока ТТП — под вопросом после выхода из него США.

Н. А. Замараева (ИБ РАН) в докладе “Пакистан в инфраструктурных проектах регионального сотрудничества” отметила, что важное направление внешней политики Пакистан связывает с государствами Центральной Азии, богатыми природными углеводородными и водными ресурсами. 22-й саммит Организации экономического сотрудничества (ОЭС), состоявшийся в Исламабаде в 2017 г., поставил цели совместной работы над реализацией долгосрочных секторальных приоритетов ОЭС: развития транспортной и коммуникационной инфраструктуры, активизации торговых связей и привлечения инвестиций, эффективного использования обширных энергетических ресурсов региона. Регион стран — членов ОЭС является одним из наименее интегрированных в мире. Отсутствие развитой инфраструктуры и как следствие — региональной коммуникации тормозит торгово-экономическую активность в регионе. Приоритетной задачей ОЭС ставит расширение внутри- и межрегиональной торговли, устранение торговых барьеров. Но заявляемые цели сталкиваются с рядом объективных и субъективных вызовов: отсутствием финансирования; политической воли лидеров, политико-экономическими противоречиями между членами ОЭС, невыполнением ранее взятых обязательств.

Проблемы интеграционного проекта нового Шелкового пути рассматривались в докладе *Т. Л. Дейч* (ИАФР. РАН) “Африка во внешнеэкономических приоритетах КНР в условиях замедления роста китайской экономики”. Вопреки некоторым трудностям, переживаемым китайской экономикой, Африка продолжает занимать важное место во внешнеэкономических приоритетах Пекина. Хотя рост инвестиций в Африку замедлился, многие проекты в странах континента получили развитие. В 2015 г. в Китае началась кампания с призывом включить Африку в новую пекинскую стратегию реализации проекта нового Шелкового пути и морского Шелкового пути под лозунгом “Один пояс, один путь, один континент”. Китайские эксперты видят в этой стратегии два главных преимущества для Африки. Первое — развитие инфраструктуры континента, связанное со стремлением Китая расширить экспорт, использовать свои возможности в строительной сфере и стимулировать рост Китая, замедлившийся в последние годы. Второе — возможность передать Африке промышленные предприятия интенсивного труда, что приведет к росту производства на континенте и числа рабочих мест.

Ряд выступлений был посвящен различным проблемам регионов и стран в контексте глобализации. *И. В. Дерюгина* (ИБ РАН) в докладе “Сельское хозяйство Турции и Ирана: сравнительный анализ” отметила, что сельское хозяйство обеих стран развивалось в рамках ближневосточного варианта землесберегающего способа производства. Иран находится на капиталоемком этапе с ограниченным трудосберегающим эффектом, а Турция — на капиталоемком этапе с нарастающим трудосберегающим эффектом. В результате производительность труда в Турции в 2,5 раза выше, чем в Иране. Для Турции характерна неравномерность развития по регионам: зона Центрально-Анатолийского и Средиземноморского регионов по производительности труда в несколько раз превосходит зону Юго-Восточного и Восточно-Анатолийского регионов; наиболее высокопродуктивное сельское хозяйство производит овощи и фрукты на экспорт. Производство зерна сосредоточено в низкоэффективных хозяйствах, поэтому пока Турция не в состоянии достичь самообеспеченности зерном. Для Ирана характерны отсталая структура капитала и водопользования в сельском хозяйстве, кооперативы накладывают ограничения на свободу выбора, их целью является самообеспеченность зерном, а не повышение эффективности сельскохозяйственного производства. В условиях эмбарго они были необходимы, но в дальнейшем могут тормозить экономический рост.

Т. С. Василенко (РГГУ) выступил с докладом “Сельское хозяйство Сирии в условиях вооруженного конфликта в 2011–2016 гг.”. В Сирии основной сельскохозяйственный производством является зерновое хозяйство. В последнее время сокращение производства пшеницы, продовольственный кризис, производственно-логистический коллапс, дефицит семян, нехватка минеральных удобрений, трудности с обслуживанием сельскохозяйственной техники — все это на фоне значительной инфляции в стране, объятой войной.

Е. В. Растяникова (ИВ РАН) в докладе “Государственное планирование в Индии: смена приоритетов” рассмотрела деятельность нового государственного учреждения — Национального института трансформации Индии (НИТИ) Айог. Эта организация представляет собой мозговой центр правительства, предназначенный для разработки рекомендаций по ключевым вопросам экономики и политики. НИТИ Айог должен сконцентрироваться на достижении Целей устойчивого развития ООН, которые направлены на ликвидацию бедности, нулевого голода, обеспечение здоровья и образования.

А. Н. Обухова (ИВ РАН) выступила с докладом “Инвестиционная привлекательность отраслей экономики Ирана: возможности для иностранных инвесторов”. Иран — одна из редких стран в современном мире, где существуют беспрецедентные инвестиционные возможности на фоне возможного постсанкционного развития экономики в ближайшие 10 лет. Рассмотрены возможности для инвесторов в нефтегазовой отрасли, автопроме (Иран — самый большой рынок на Ближнем Востоке), пассажирских и грузовых авиаперевозках, производстве товаров потребления, телекоммуникационных и медийных технологиях. С населением в 82 млн человек, 65% которого младше 35 лет, Иран представляет собой очень привлекательный рынок для любой компании, оперирующей в секторе потребления. На супермаркеты и гипермаркеты приходится только 4.2% розничной торговли продуктами в Иране, на магазины (форматную продовольственную розницу) — 18%, на открытые рынки и уличную торговлю — 29%. Это очень низкий уровень по сравнению с Турцией, которой удалось достичь уровня форматной розничной торговли продуктами питания в 40% за 10 лет (с 2004 по 2014 г.), Россией (с 20% в 2000 до 65% в 2014 г.), Китаем (также 65% в 2014 г.).

Тема выступления *А. П. Мурановой* (ИВ РАН) — “Мьянма: проблемы экономического развития на современном этапе”. В последнее пятилетие Мьянма переживает политический и экономический подъем, и ее темпы экономического роста стали самыми высокими в Юго-Восточной Азии. Активный процесс радикальных преобразований во многих секторах экономики и формирования рыночных структур и институтов начался после проведения в ноябре 2010 г. всеобщих выборов в парламент и добровольной передачи власти военными гражданскому правительству во главе с генералом У Тейн Сейном в апреле 2011 г. При этом огромное значение имела отмена в 2012–2016 гг. большинства санкций и восстановление экономических связей с развитыми странами. Приоритет отдан проведению фискальной и налоговой реформам, на втором месте — денежная и финансовая реформы, на третьем — либерализация импортной торговли и инвестиционной политики, на четвертом — развитие частного сектора. Нынешнее состояние национальной хозяйства Мьянмы характеризуется макроэкономической неустойчивостью: государственный бюджет сводится с постоянным дефицитом, инфляция достигает в отдельные периоды двузначных величин, текущие операции платежного баланса сводятся с пассивом из-за возрастающего превышения объема импорта над экспортом; национальная валюта обесценивается.

А. А. Горожанкина (ИСАА) в докладе “Ограничения экономического развития Республики Кореи (РК) и меры для их преодоления” отметила, что, несмотря на успешное экономическое развитие, на современном этапе оно испытывает определенные трудности, сдерживающие дальнейший экономический рост. Это — старение населения, которое приводит к сокращению производительности труда, увеличению пенсионных отчислений. Пожилая рабочая сила представляется недоиспользованной. При относительно высокой продолжительности жизни пожилых людей вынуждают уходить на пенсию довольно рано. В Южной Корее наблюдается низкая доля женщин на рынке труда: работает только 56% корейских женщин [*OECD Employment outlook*, 2016]. Сравнительно большая часть молодежи в возрасте 15–29 лет с высшим образованием может длительное время пребывать в статусе безработных, или NEET (Not in employment, education and training), в ожидании места в крупной государственной структуре или в крупной частной компании. Это, возможно, связано с трудностями, вызванными несоответствием навыков, полученных при подготовке, потребностям рынка труда.

Т. Н. Устинова (ИВ РАН) в докладе “Японо-китайские отношения в эпоху глобализации” отметила сближение в настоящее время Китая и Японии, что основано на взаимной экономической выгоде и на стремлении к стабилизации в регионе Восточной Азии (включая проблемы Корейского полуострова). Быстрыми темпами развивается экономическое сотрудничество,

в частности в июне 2014 г. обе страны при взаиморасчетах отказались от привязки к доллару США и обменивают валюту напрямую: японские иены на китайские юани и наоборот.

Шэнь Цюлинь (ИСАА МГУ, КНР) посвятил доклад анализу деятельности крупнейшей китайской компании электронной торговли “Alibaba Group”, действующей на рынках разных стран, в том числе на российском. Она осуществила инвестиции в российский стартап WayRay, который развивает технологии виртуальной реальности (VR), голографические дисплеи и умные системы навигации. Сбербанк РФ и Alibaba Group договорились о создании совместного предприятия в сфере электронной торговли.

Н. К. Семенова (ИВ РАН) рассмотрела сценарии развития взаимоотношений КНР, РФ и Центральной Азии в сфере энергетики.

Интересы России и Китая в Центральной Азии являются не только поводом к позитивному взаимовыгодному сотрудничеству, но и сферой конкуренции двух держав, претендующих на влияние в регионе. При проведении сравнительного анализа концептуальных основ региональной политики двух стран в Центральной Азии было выявлено, что теоретические позиции Китая намного основательней и продуктивней, чем России. Стремительное экономическое развитие КНР и частичная потеря Россией своего политического авторитета в регионе (но не потенциала) может привести ее к позиции “младшего партнера” в двусторонних отношениях. При имеющихся внешне позитивных тенденциях отношения между Китаем и Россией, в том числе и в экономической сфере, следует считать непростыми.

Л. Б. Аристова (ИВ РАН) в докладе “Оптимизация и стимулирование туристической сферы в Центральной Азии” отметила, что регион Центральной Азии располагает богатейшими и разнообразными рекреационными ресурсами. Однако туризм в странах региона развивается слабо и неравномерно. В последние годы правительства стран ЦА обратили внимание на улучшение состояния курортных зон, санаториев, гостиниц. В настоящее время туристами в ЦА в основном являются жители самих республик и России. Растет интерес к посещению ЦА у жителей Европы и Азии, особенно Китая. Но есть трудности, связанные с получением виз, высокой стоимостью авиабилетов и низким уровнем сервиса в гостиницах. В Республике Казахстан разработана программа развития туризма до 2020 г. Проект содержит задачи возможных решений проблем сферы туризма в стране.

На заседании “круглого стола” выступили также: *Е. Н. Корендясов* (ИАФр.) — с докладом “Глобализация в африканском контексте”, *Э. Р. Амиров* (ИСАА) — с докладом “Применение достижений ИКТ в различных сферах жизни арабского общества: образование и торговля в Интернете”, *Г. В. Кузнецова* (РЭУ) — с докладом “Проблемы инновационного развития центрально-азиатских стран СНГ”.

“Круглый стол”, состоявшийся 15 марта, был посвящен **этноконфессиональным проблемам современности**, особенно странам Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. В докладе *Р. Г. Ланды* (ИВ РАН) были проанализированы метаморфозы исламизма в Тунисе. Исламизм в Тунисе зародился гораздо позже, чем в других арабских странах, — в 1970 г. Последовавшие после этого разложение и деморализация тунисской элиты облегчили выдвигание на авансцену исламистов, казалось бы разгромленных Бен Али в 1991–1992 гг. После “жасминовой революции” на выборах “Ан-Нахда” получила 41% голосов и образовала совместно с двумя светскими партиями правительство Туниса. Несмотря на отсутствие в программе “Ан-Нахды” сугубо исламистских тезисов, ее приход к власти вызвал демонстрации протеста под лозунгом: “Мы не хотим на 14 веков назад!”. Заявление премьера Джебали (“Мы стоим на пороге, возможно, шестого Халифата”) вызвало еще большее возмущение, разногласия в стане самих исламистов и рост влияния антиклерикальных сил. Постепенно пали кабинеты Джебали и Арайида (с участием исламистов). А на выборах в октябре 2014 г. победила коалиция светских сил, сплотившихся в связи с появлением в Тунисе исламских экстремистов и террористов, отвергающих даже “умеренных” из “Ан-Нахды”. Судя по всему, тунисцы не желают развязывания в своей стране гражданской войны по примеру Ливии или Сирии. Тем не менее при прогнозировании событий в Тунисе приходится учитывать и внешний фактор, мощное влияние на тунисцев поражения светских сил в соседней Ливии, гражданской войны в Ираке и Сирии, просачивание в Тунис исламских боевиков, терпящих крах в Египте и Алжире.

В нескольких докладах рассматривались различные аспекты отношений между арабскими странами и Ираном в контексте современной ситуации. У.З. Шарипов (ИВ РАН) посвятил выступление “Политика Исламской Республики Иран в Сирии” поддержке Тегераном Дамаска в его борьбе против боевиков ИГИЛ и других радикальных группировок. Нынешняя ситуация в Сирии характеризуется неоднозначно: часто события квалифицируются как внутрисирийская гражданская война, в то время как на стороне, противостоящей правительственным войскам, находятся мусульманские радикалы, объединенные в формирования ИГИЛ. Основная часть из них была сформирована из иракских суннитов, затем к ним примкнули выходцы из аравийских монархий и некоторых других мусульманских стран. Кроме того, в рядах ИГИЛ воюют добровольцы из 80 стран мира. Участие Ирана на стороне Дамаска предопределено тем, что ИГИЛ выступает против шиитов, проживающих в странах Ближнего Востока. В Сирии еще в период правления прежнего президента, Хафеза Асада, шииты-алавиты заняли командные посты в армии, что создало предпосылки для недовольства политикой Б. Асада со стороны суннитов, которое усилилось в последние годы из-за экономических трудностей, а также событий “Арабской весны”. На помощь Сирии Иран направил отряды КСИР (Корпуса стражей исламской революции). Тегеран поддерживает Дамаск финансами, оружием и военными советниками.

О. П. Бибилова (ИВ РАН) в докладе “Предпосылки суннитно-шиитских противоречий на Ближнем Востоке” проследила эволюцию межконфессиональных противоречий в историческом контексте, подчеркнув, что в их основе лежат отнюдь не идеологические причины, а прежде всего соперничество сначала племен, затем режимов и лидеров. Изначально суннизм развивался на арабской основе, в то время как шиизм формировался на базе древней иранской культуры. Свою лепту в углубление конфликта внесли османские правители, а затем колониальные державы. В конце XX в. геополитическое соперничество между Ираном и аравийскими монархиями обострилось. Сегодня речь идет о сложной политической игре, где переплетаются интересы аравийских монархий, стремящихся сохранить ведущие позиции в поставках углеводородного сырья, а также интересы Анкары и турецкого лидера, ностальгирующего по величию Османской империи, территория которой охватывала не только арабские провинции. Осуществлению этих проектов в определенной степени мешает Иран, богатое и достаточно сильное в военном отношении государство. Сохраняющийся конфликт между США и Ираном, возникший в 1980 г., недовольство Вашингтона иранской ядерной программой можно рассматривать как проявление поддержки антииранской политики суннитских держав.

В. М. Ахмедов (ИВ РАН) в докладе “Религиозный фактор вооруженного восстания в Сирии: социальные, идеологические и военные аспекты” отметил, что сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Хафеза Асада весь спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов. Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям. В результате в арабском национальном движении, возродившемся на волне “Арабской весны”, возобладали религиозные настроения радикального характера. В. М. Ахмедов отметил, что на Ближнем Востоке развернулась беспрецедентная по своим масштабам и остроте война, которая поставила регион на грань территориального раскола и серьезно деформировала характер международных отношений.

Не менее актуальную проблему затронул А. Гаджиев (ИВ РАН) – “Курдский фактор в сирийской политике Турции на современном этапе”. Он подчеркнул, что в настоящее время именно курдский фактор во многом определяет действия Турецкой Республики в рамках ее общей стратегии в отношении Сирии. В работах турецких исследователей по курдской проблеме особое место занимает вопрос, связанный с перспективами и ролью Коалиции сообществ Курдистана (КСК) в политической жизни турецких курдов. По мнению большинства экспертов, КСК, с одной стороны, неразрывно связана с Рабочей партией Курдистана (РПК), с другой – имеет собственные политические амбиции и в целях их реализации формирует свою самостоятельную линию. В Анкаре укрепление КСК вызывает определенную озабоченность. КСК стала ассоциироваться с претензиями РПК на автономию и рассматриваться в качестве угрозы территориальной целостности республики. Более того, по мнению турецких властей, в условиях активизации боевиков РПК, действующих с сирийской территории, эта проблема имеет

непосредственное отношение к территориальной целостности страны. Особое беспокойство Анкары вызывает перспектива создания курдской автономии в северо-восточной части Сирии. Опасения Турции, вызванные подобными перспективами, продолжают отражаться и на межсирийских переговорах в Женеве. Известно, что особенно жесткие споры ведутся по вопросу о включении в состав сирийской оппозиции представителей прокурдской Партии демократического союза (ПДС). “Курдскому фактору” Анкара вынуждена уделять особое внимание, поскольку он способен привести к серьезной геополитической трансформации ближневосточного региона.

В. П. Кириченко (ИВ РАН) посвятил сообщение анализу священных текстов друзей “Расаиль аль-Хикма”, которые представляют собой свод посланий, созданных лидерами друзского (близкого к шиизму) течения ислама, адресованных “правителям, врагам, вероотступникам или целым общинам”. Эти тексты были написаны в основном между 1017 и 1041–1042 гг. Текст посланий свидетельствует о том, что авторы были хорошо знакомы с древнегреческой философией, гностическими учениями и суфизмом. Впервые друзские тексты были исследованы французским востоковедом Сильвестром де Саси в 1826 г. Оставил заметки о друзьях русский консул в Бейруте (1830–1840) К. М. Базили. В 1995 г. в Санкт-Петербурге вышел первый том серии “Памятники культуры Востока”, в который вошли факсимиле первого тома рукописей “Послания мудрости”, избранные переводы, а также исследовательские статьи, написанные М. А. Родионовым и В. В. Полосиным.

“Христиане Иордании” — тема сообщения *И. А. Воробьевой* (ИВ РАН). Христиане Иордании представлены различными православными и католическими церквями. Их положение во многом предопределила политика покойного короля Хусейна, который в свое время вывел страну из арабо-израильского противостояния, что позволило ей стабильно развиваться. Нынешний король Абдалла продолжает политику отца.

Были также представлены доклады о восточных диаспорах в Европе. *А. А. Соколов* (ИВ РАН) рассказал о том, как сформировалась община выходцев из Вьетнама в Чешской республике. Изначально это были студенты, а затем молодые рабочие, которые обучались в профессионально-технических училищах Чехии. Впоследствии между странами были подписаны соглашения, в соответствии с которыми вьетнамцы получили возможность работать на чешских заводах и фабриках. После вхождения Чехии в ЕС вьетнамцы (примерно 60 тыс.) создали свое диаспоральное сообщество. 60% живущих в Чехии вьетнамцев уже имеют чешское гражданство и сегодня являются третьим нацменьшинством по численности (после словаков и украинцев). О положении мусульманских диаспор в Великобритании рассказала *Р. М. Шарипова* (ИВ РАН) в докладе “Ученые мусульманского происхождения о механизмах адаптации мигрантов в Великобритании”. Она отметила трудности взаимного восприятия, существующие между иммигрантами и принимающим обществом. Ни индо-пакистанская, ни арабская (более поздняя) диаспоры не могут забыть периода колониальной зависимости от Великобритании. Свой отпечаток накладывают и нынешняя ситуация, которая сложилась на их родине не без участия стран Запада.

Е. Б. Роева (МГУ) выступила с докладом “Вклад армянской диаспоры стран Востока в развитие системы образования республики Армении”. Она отметила, что поддержка армянских школ осуществляется, несмотря на значительно ухудшение положения армян, проживающих в странах Ближнего Востока. Эта помощь свидетельствует о прочных связях между армянами разных стран и их желании поддержать свою родину.

Также с докладами выступили: *С. Б. Филатов* (ИВ РАН) — “Православие мордовских народов перед языческим и протестантским вызовами”, *З. И. Левин* (ИВ РАН) — “Глобализация

INTERNET SOURCES

OECD Employment Outlook 2016. Statistical annex//OECD publishing, 2016.http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/employment/oecd-employment-outlook-2016/statistical-annex_empl_outlook-2016-9-en#.WBHMQtKLR0w#page6 (дата обращения: 20.02.2017).